

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РФ
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ: ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ

Сборник статей

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2013

ББК 81.2Яп+63.3(5Яп)
Н40

*Издание
выполнено при поддержке
Японского фонда*

JAPAN FOUNDATION
国際交流基金

Составление
и ответственное редактирование
Е. С. Бакшеев, В. В. Щепкин

Н40 Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е. С. Бакшеев и В. В. Щепкин; Ин-т восточных рукописей РАН, Российский ин-т культурологии. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 292 с., ил.

ISBN 978-5-8465-1255-9

В сборник вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, основанные на докладах, представленных в рамках «Невских чтений» — международного симпозиума в честь 120-летия со дня рождения выдающегося российского востоковеда Николая Александровича Невского (1892–1937). Проблематика статей определена разносторонним характером исследований, которым посвятил себя ученый: мифология, синто, айноведение, язык и культура Рюкю, тангуоведение и др.

ББК 81.2Яп+63.3(5Яп)

ISBN 978-5-8465-1255-9

© Институт восточных рукописей
Российской академии наук, 2013
© Российский институт культурологии
Министерства культуры РФ, 2013
© С. В. Лебединский, оформление, 2013

Е. А. Куй

**Н. А. НЕВСКИЙ
И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ**

В справочной литературе и основных публикациях о Н. А. Невском указывается, что после своего возвращения в СССР из Японии (1929) он, наряду с другими учреждениями, с 1934 г. работает и в Государственном Эрмитаже. Между тем до сих пор не было предпринято попыток собрать воедино сохранившиеся свидетельства его работы в музее и специально осветить этот факт его биографии.

Действительно, имя Н. А. Невского ассоциируется, прежде всего, с разными отечественными и японскими академическими и учебными учреждениями, а не с музеями и музейной деятельностью. В этом смысле работа в Эрмитаже — отнюдь не самый значительный факт биографии ученого, который, среди прочего, объясняется и тем обстоятельством, что в то время многие востоковеды одновременно работали или сотрудничали сразу в нескольких учреждениях. Следует также сказать, что в целом сведений о работе Н. А. Невского в музее сохранилось крайне мало: вполне вероятно, что-то за давностью лет оказалось забыто, а какие-то, возможно и существовавшие, материалы — утрачены.

Впервые Н. А. Невский на каких-то условиях (вероятно, внештатных — договорных) работал в Эрмитаже сразу по окончании университетского курса, о чем он в своей автобиографии пишет следующее: «Окончив университет в 1914 году, был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности по японской кафедре. Занимаясь над пополнением своего образования, я в то же время работал в Государственном Эрмитаже (в нумизматическом отделе), что давало мне возможность существовать, так как я временно был оставлен при университете без всякого

содержания»¹. Об этом же факте его биографии упоминает и акад. В. М. Алексеев (1881–1951), отмечая, что «в 1914 г. он... вынужден был искать работу на стороне, каковая, к счастью, оказалась для него плодотворной, а именно классификация китайских и японских монет на основании китайских и японских источников»². В следующем году Н. А. Невский был командирован университетом в Японию и вновь стал работать в этом музее спустя почти двадцать лет.

В архиве Эрмитажа хранится личное дело профессора Н. А. Невского, состоящее только лишь из личной карточки (на двух листах). Согласно этому документу, на работу в музей Н. А. Невский был принят совместителем 1 ноября 1934 г. в Сектор (в настоящее время Отдел) Востока³. В следующем году должность профессора была переименована в «действительного члена», а с 21 декабря 1935 г. он значится членом квалификационной комиссии по присуждению ученых степеней. Последняя запись относится к 10 декабря 1937 г., когда он был уволен из музея (причина увольнения не указана)⁴. В архиве Отдела Востока также имеется несколько составленных в разное время списков его сотрудников, среди которых значится и фамилия Н. А. Невского.

Скорее всего основным поводом для приглашения и трудоустройства Н. А. Невского в музей явилось то, что в 1934 г. в Эрмитаж из Этнографического отдела Русского музея была передана часть коллекции П. К. Козлова (1863–1935), собранной им в ходе Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. в мертвом городе Хара-Хото.

Экспедицией было обнаружено большое собрание текстов на тангутском, китайском, тибетском и монгольском языках, а также произведений искусства. Письменные памятники в 1910 г. были переданы в Азиатский музей (ныне Институт восточных рукописей (ИВР) РАН), где тангутские тексты сейчас составляют особый фонд⁵. Та часть находок из Хара-Хото, которая в настоящее время хранится в Эрмитаже, включает археологический материал, произведения

¹ Цит. по: Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978. С. 38.

² Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 86.

³ Наиболее полно история этого отдела описана в статье: Иерусалимская А. А., Иванов А. А. Отдел Востока // Эрмитаж: История и современность. М., 1990. С. 215–234.

⁴ Архив ГЭ. Ф. I. Оп. 13 ^{а/с}. № 583.

⁵ См., например: Кычанов Е. И. Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской Академии наук и его изучение // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. СПб., 2008. С. 130–146.

живописи, глиняные статуи и рельефы, деревянную скульптуру, доски для печатания книг, монеты, ассигнации и ткани⁶. Как отмечает В. М. Алексеев, именно Н. А. Невскому «Институт востоковедения (ныне ИВР РАН. — Е. К.) обязан расчлененным оформлением тангутского фонда (из находок Козлова в Хара-Хото), в котором он обнаружил доселе неизвестные и, по-видимому, нигде более не имеющиеся тексты... Наконец, руководство новыми для Эрмитажа собраниями по тангутско-китайскому искусству могло быть вверено только ему»⁷.

Большая часть работ Н. А. Невского и его научных планов времени ленинградского периода жизни, безусловно, связана с изучением тангутского языка и письменности. Тем не менее он работал со всеми ленинградскими тангутскими собраниями, занимая соответствующие должности и в Институте востоковедения, и в Эрмитаже. Это обстоятельство свидетельствует о комплексном подходе ученого к памятникам изучавшейся им культуры. В этой связи уместно привести цитату из работы Б. Б. Пиотровского (1908–1990), писавшего о том, что сотрудники Сектора Востока в 1930-х гг. вопреки традиции, считавшей Эрмитаж музеем искусства, «свою научную работу и экспозицию строили направленными на историю культуры в широком смысле, и основным требованием к музейным работникам сектора было знание языка и литературы тех восточных народов, памятники которых ими экспонировались»⁸.

Комплексный подход Н. А. Невского к культуре тангутов иллюстрирует написанный им «Проект издания памятников тангутской культуры из Хара-Хото», датированный 12 апреля 1936 г.⁹ «Проект» состоит из небольшого введения, двух основных частей, озаглавленных «Литературные и лингвистические материалы» и «Художественные и историко-бытовые материалы», а также росписи содержания этих разделов. Относительно общего плана издания Н. А. Невский

⁶ Основные сведения об этой части коллекции, а также исследование числящейся в ее составе буддийской живописи см. в кн.: *Самосюк К. Ф.* Буддийская живопись из Хара-Хото XII–XIV веков. Между Китаем и Тибетом. Коллекция П. К. Козлова. СПб., 2006.

⁷ Алексеев В. М. Указ. соч. С. 87.

⁸ Пиотровский Б. Б. История Эрмитажа: Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000. С. 90.

⁹ Невский Н. А. Проект издания памятников тангутской культуры из Хара-Хото (Публикация и примечания Н. [Д.] Путицовой, предисловие Е. И. Кычанова) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1970. М., 1974. С. 437–451.

пишет следующее: «Публикация коллекций Хара-Хото должна занять около 100 печатных листов, разделенных на два объемистых тома — один посвященный письменным [литературным] памятникам и лингвистическим исследованиям по тангутскому языку, другой — памятникам материальной культуры и искусства Хара-Хото. Обоим разделам необходимо предпослать очерк по истории тангутов с публикацией переводов наиболее существенных мест из китайских исторических трудов, касающихся государства Си Ся. К данному очерку необходимо приложить историческую карту тангутского государства. Ввиду того что литературный и лингвистический материалы по своему объему превосходят художественный и историко-бытовой, названный очерк по истории придется присоединить ко второму разделу»¹⁰.

Далее речь пойдет только о втором разделе «Проекта», в котором Н. А. Невский классифицирует все относящиеся к нему материалы по следующим категориям: 1) «памятники быта» (среди них он особо выделяет уникальные китайские бумажные ассигнации монгольского времени); 2) «памятники прикладного искусства» (керамика и текстиль); 3) «памятники искусства» (живопись, пластика, гравюра).

Характеризуя живопись из Хара-Хото он констатирует, что она является важным источником для исследований центральноазиатского искусства XI–XII вв. и подразделяется на две категории: китайскую и тибетскую. Особо оговаривается, что изучение тибетской части уже было начато акад. С. Ф. Ольденбургом (1863–1934)¹¹, однако китайские памятники еще не описаны и не получили научной каталогизации, а обе категории живописных произведений пока не рассматривались с точки зрения их стилистических особенностей. Кроме того, их исследование позволяет сделать ряд выводов о межкультурных контактах таких регионов, как Индия, Тибет, Непал и Китай. Относительно других материалов отмечается, что, во-первых, ксилографические памятники из Хара-Хото, благодаря наличию досок для печатания (матриц), дают возможность судить о самой технике печати; во-вторых, найденная в мертвом городе керамика хорошо характеризует китайское керамическое производство, позволяя представить ряд датировок и установить те связи, которые существовали у тангутов с центрами производства

¹⁰ Там же. С. 439.

¹¹ *Ольденбург С. Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото (Образы тибетского письма). С 6 таблицами и 25 рисунками в тексте. СПб., 1914 (из второго тома «Материалов по этнографии России»).

керамики в Китае. На этом основании делается вывод о том, что каждому из соответствующих разделов научного каталога памятников материальной культуры и искусства тангутов должны быть предпосланы вводные статьи, «являющиеся исследованиями по данным вопросам»¹², конкретный план которых дается в следующем разделе «Проекта».

В прилагаемой росписи содержания соответствующих томов издания и научно-исследовательских работ, озаглавленной «Памятники Хара-Хото», Н. А. Невский выделяет уже не два тома, как сам же писал выше, а три. История Хара-Хото, памятники тангутской материальной культуры и искусства занимают первые два тома, за изложением содержания которых следует описание планируемой исследовательской работы, объемов намечаемых исследований, их исполнителей и сроков. Помимо самого Н. А. Невского и участников экспедиции в Хара-Хото, здесь упомянут еще целый ряд фамилий исследователей, которых он собирался привлечь к работе над тангутскими материалами¹³. Сроками выполнения всех работ значатся 1938–1941 гг. В последний — третий — том входят работы по языку и письменности тангутов, а также каталог тангутских письменных памятников Института востоковедения, то есть те материалы, которые в основном тексте «Проекта» Н. А. Невский относил к первому тому и разделу «Литературные и лингвистические материалы». После содержания этого тома нет описания относящейся к нему научно-исследовательской работы, но можно заключить, что Н. А. Невский был бы, вероятно, единственным его автором (сроки выполнения работ для этого тома — 1938–1942 гг.).

В числе отнесенных к первому тому работ значится история Хара-Хото XI–XII вв. в ее связи с тангутским обществом того же времени, которой Н. А. Невский собирался заниматься совместно с В. Н. Казиным (он также планировал опубликовать дневники (скорее всего имелись в виду выдержки из дневников) П. К. Козлова, С. А. Глаголева и А. А. Чернова вместе с планом и описанием города, выполненным К. К. Даниленко, и исследованием В. А. Казакевича о башнях и валах города). Памятникам материальной культуры XI–XIV вв. должны были быть посвящены разделы В. А. Казакевича о металлических вещах, Ю. К. Щуцкого о культовых предметах, В. Н. Казина о денежных знаках монгольского периода, С. М. Зубер (Кочетовой) о музыкальных инструментах и еще кого-то (в графе

¹² Невский Н. А. Указ. соч. С. 441–443.

¹³ Сведения об этих лицах приводятся в Приложении к настоящей статье.

«исполнитель» стоит знак вопроса) об изделиях из дерева, кожи и других материалов.

Во втором томе предполагалось дать общую характеристику искусства Хара-Хото с описанием живописи и скульптуры (А. С. Стрелков). В число так называемых «иконографических экскурсов» здесь включены культ небесных светил (Н. А. Невский), божества планет (В. Н. Казин), Вайрочана и адибуддизм (А. С. Стрелков), Амитабха и Сукхавати (С. М. Зубер), культ Авалокитешвары (Н. А. Невский). Также должны были быть освещены техника живописи (в графе «исполнитель» — знак вопроса), ксилография (К. И. Разумовский, В. Н. Казин), керамика (К. И. Разумовский), ткани и текстиль (С. М. Зубер, М. П. Лаврова, Н. Н. Соболев)¹⁴. Впоследствии, уже после смерти Н. А. Невского, были опубликованы несколько статей, написанных указанными в данном плане издания специалистами¹⁵.

Некоторые из упомянутых в «Проекте» работ самого Н. А. Невского были изданы в первом томе «Тангутской филологии». В связи с рассматриваемой темой следует особо отметить статью «Культ небесных светил в Тангутском государстве XII века», являющуюся докладом, прочитанным ее автором в Эрмитаже в 1931 г. (то есть еще до своего официального зачисления в штат музея)¹⁶. Н. А. Невский был одним из первых, кто обратился к изучению тангутских текстов буддийского содержания, составляющих большую часть собраний тангутских письменных памятников, но, как правило, обойденных вниманием первых исследователей-тангутоведов (им вполне осознавалась необходимость их изучения и было написано несколько специальных работ на эту тему). Современные исследователи отмечают, что «Культ небесных светил» представляет собой «практически первый опыт прочтения и интерпретации тангутского буддийского текста»¹⁷, без которого было бы невозможно изучение группы соответствующих памятников из эрмитажного собрания¹⁸. В этой статье на основании нескольких тангутских буддийских тек-

¹⁴ Невский Н. А. Указ. соч. С. 444–447.

¹⁵ Зубер С. М. Музыкальные инструменты в иконографии Хара-Хото // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. III. Л., 1940. С. 325–337; Кочетова С. М. Божества светил в живописи Хара-Хото // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. IV. Л., 1947. С. 471–502; Казин В. Н. К истории Хара-Хото // Труды Государственного Эрмитажа. Т. V. Культура и искусство народов Востока. Л., 1961. С. 273–285.

¹⁶ Невский Н. А. Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Кн. 1. М., 1960. С. 52–73.

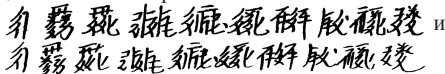
¹⁷ Солонин К. Ю. Обретение учения. Традиция Хуаянь-Чань в буддизме тангутского государства Си Ся. СПб., 2007. С. 25, примеч. 26.

¹⁸ Самосюк К. Ф. Указ. соч. С. 23, 178–199.

стов и данных тангутской буддийской живописи описывается ряд небесных светил и связанных с ними практик — изготовление мандалы божеств (духов) планет, подношений им и собственно созерцания. Большая часть этой работы связана с исследованием танги на шелке, названной Н. А. Невским «Звездным магическим кругом», числящейся в каталоге К. Ф. Самосюк как «Мандала божеств планет» (инв. № X-2480)¹⁹. Н. А. Невский привлекает описывающий эту мандалу тангутский текст ²⁰, название которого было переведено им как «Священнодействие с заклинательным кругом в честь святой матери планет», а также приводит перевод пространных отрывков из этого памятника²¹.

¹⁹ Там же. С. 197–199.

²⁰ Здесь приводится тангутское название, установленное по хранящимся в Архиве востоковедов ИВР РАН черновикам статьи Н. А. Невского, в которых оно встречается дважды:

(АВ ИВР РАН. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 136, ст. № 21/1. Л. 10; Ед. хр. 136, ст. № 21/4. Л. 1). Дело в том, что при публикации этой статьи в 1960 г. название сочинения было воспроизведено с ошибкой: — вместо иероглифов написаны (Невский Н. А. Тангутская филология. Кн. 1. С. 62). Публикаторы китайского перевода «Тангутской филологии», не имея доступа к архивным материалам, восстановили эти два иероглифа как , создав тем самым еще один ошибочный вариант: (см.: 西夏研究 (Изучение Си Ся). Гл. ред. Ли Фаньвэнь 李范文. Вып. 6. Пекин, 2007. С. 39). Только в статье Дж. ван Дрима название этого сочинения приводится почти в полном соответствии с черновиками Н. А. Невского: , т. е. является в этом смысле корректным (*van Driem G. Ancient Tangut Manuscripts Rediscovered // Linguistics of the Tibeto-Burman Area. 1993. Vol. 16. No. 1. P. 150*).

²¹ В каталогах тангутских памятников из собрания ИВР РАН не удалось обнаружить текста с таким названием. Ван Дрим, основываясь, вероятно, на информации, полученной от К. Б. Кепинг (1937–2002), упоминает этот текст среди потерянных памятников тангутского фонда, отмечая, что эта рукопись не числится в его каталоге (инвентарной книге? — Е. К.). Хотя он прямо не связывает эту потерю с арестом Н. А. Невского, данное предположение вполне очевидно в контексте статьи (*van Driem G. Op. cit. P. 150*). О том, что текст был утрачен во время ареста Н. А. Невского со ссылкой на слова К. Б. Кепинг также сообщила мне в личной беседе К. Ф. Самосюк; тем не менее Е. И. Кычанов высказал сомнение в достоверности этой информации.

В тангутском фонде ИВР РАН хранится другой похожий буддийский текст:

, китайское название которого реконструировано как 聖星母中道法事供養根 (Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской академии наук / Сост. Е. И. Кычанов. Киото, 1999. С. 590–591. № 686 и 687). В настоящее время памятник представлен тремя единицами хранения, последняя из которых была идентифицирована в 2009 г.: Танг. 78/1 (инв. № 406,

Существуют также и некоторые косвенные свидетельства работы Н. А. Невского в Эрмитаже. В личной беседе К. Ф. Самосюк однажды отметила, что описания соответствующих единиц хранения в инвентарных книгах эрмитажной части коллекции из Хара-Хото (шифр «Х») порой написаны очень профессионально и вполне вероятно участие Н. А. Невского в их составлении. Так, например, в составе эрмитажного собрания числится тангутский иллюстрированный ксилограф (инв. № Х-2538)²². В его описании отмечено, что в центре иллюстрации находится «большой тангутский знак-сердце» (𠄎)²³, поэтому можно заключить, что этот памятник был известен Н. А. Невскому, так как в Ленинграде 1930-х гг. вряд ли кто-то кроме него и некоторое время работавшего с материалами тангутского фонда Института востоковедения А. А. Драгунова (1900–1955) мог читать тангутскую иероглифику (сведений о работе А. А. Драгунова с тангутскими памятниками эрмитажного собрания не имеется).

Наконец следует упомянуть и свидетельство о том, что, находясь в заключении, Н. А. Невский представился своим сокамерникам как сотрудник Эрмитажа. Об этом говорится в письме, написанном в 1963 г. Е. И. Кычанову одним из заключенных, некоторое время находившимся в одной камере с Н. А. Невским: «Он (Н. А. Невский. — Е. К.) был скромным человеком, в камере, пожалуй, никто не знал, что он является в какой-то степени знатоком по тангутским вопросам. Мое знакомство состоялось тоже как с работником Ленинградского Эрмитажа. При организации (конечно, неофициальной) в камере какого-то разумного досуга, избегая общей болтовни и шума, стали

ст. инв. № 4737) — рукопись, свиток; Танг. 78/2 (инв. № 407, ст. инв. № 7122) — ксилограф; Танг. 78/3 (инв. № 4341) — рукопись, свиток. Все три единицы хранения сохранились неполностью, поэтому название сочинения представлено только в конце текста первой и сокращенно в виде первых трех иероглифов 𠄎 𠄎 𠄎 на байку второй. Без специальных сопоставлений трудно сказать, может ли этот памятник быть именно тем, который исследовал Н. А. Невский, однако такая вероятность не исключена. Например, в китайском издании трудов Н. А. Невского название «Священнодействия» переведено на китайский язык как 聖星母中道法事供養典, т. е. оно отличается от реконструкции названия текста Танг. 78 только одним последним иероглифом, поэтому вполне возможно, что некоторые китайские исследователи рассматривают их как один и тот же памятник (см.: 西夏研究 (Изучение Си Ся). Вып. 6. С. 39).

²² Подробнее см.: Кий Е. А. Тангутский иллюстрированный ксилограф из собрания Государственного Эрмитажа (к определению китайского источника) // Тангуты в Центральной Азии: Сборник статей в честь 80-летия проф. Е. И. Кычанова. М., 2012. С. 137–146.

²³ Инвентарная книга Государственного Эрмитажа. Х 2241–2630. Л. 168–170 (книга датирована 1939 г.).

устраивать беседы на самые различные темы, когда один человек в полголоса рассказывает, а все остальные слушают. Дошла, помню, очередь и до Николая Александровича. Первой его темой был увлекательный рассказ о ценностях Ленинградского Эрмитажа»²⁴.

В послевоенные годы хранящаяся в Эрмитаже часть коллекции П. К. Козлова изучалась и публиковалась такими ныне покойными исследователями как С. М. Кочетова (1907–1985), М. Н. Кречетова (1904–1965), Н. В. Дьяконова (1907–1996), Т. В. Грек (1920–1985), Е. И. Лубо-Лесниченко (1929–2001), а также здравствующими М. Л. Пчелиной (Рудовой) и К. Ф. Самосюк²⁵. Благодаря их трудам была проделана определенная работа по дальнейшему изучению материальной культуры и искусства тангутов, однако представляется, что и в этой области значительно быстрее были бы достигнуты несоизмеримо большие успехи, если бы Н. А. Невский, принимая участие в этом деле, смог реализовать все свои планы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лица, упомянутые Н. А. Невским в «Проекте издания памятников тангутской культуры из Хара-Хото»

В приложении дана краткая, никоим образом не претендующая на полноту, справка об упомянутых Н. А. Невским лицах. Из учреждений, в которых они работали, указывается только ИВАН — Институт востоковедения Академии наук СССР и ГЭ — Государственный Эрмитаж. Ссылки на литературу даны по двум справочным изданиям: Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подгот. Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина. СПб., 2003 (ЛС); *Миллибанд С. Д.* Востоковеды России: XX — начало XXI в.: Биобиблиографический словарь. Кн. I–II. М., 2008 (ВР).

Глаголев Сергей Анатольевич (1893–?) — географ, участник Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923–1926 гг.

Даниленко Константин Константинович (1905–1931) — участник Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923–1926 гг.

Зубер (Кочетова) Софья Михайловна (1907–1985) — китаист-искусствовед. Научн. сотр. ГЭ. *Лит.: Цветкова Н. А.* Софья Михайловна

²⁴ Письмо В. И. Титянова к Е. И. Кычанову // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 517 (цит. с сохранением особенностей оригинала).

²⁵ См.: Самосюк К. Ф. Указ. соч. С. 23–24.

- Кочетова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LXVII. СПб., 2009. С. 163–175.
- Казакевич Владимир Александрович** (1896–1937) — монголовед-историк. Научн. сотр. ИВАН и ГЭ (1935–1937). *Лит.*: ЛС. С. 187–188; ВР. Т. I. С. 578–579.
- Казин Всеволод Николаевич** (1907–1942) — китаевед. Научн. сотр. ГЭ (1934–1942). *Лит.*: ВР. Т. I. С. 580–581.
- Лаврова Мария Петровна** (1869 (или 1870) — 1967) — китаевед. Занималась исследованием кит. коллекций Этнографического отдела Русского музея и в 1930 г. подготовила к печати рукопись «Ткани и вышивки Хара-Хото», которая, видимо, осталась неопубликованной. *Лит.*: ЛС. С. 232; *Дешпанде О. П., Мельниченко Б. Н.* История создания коллекции буддийской скульптуры Таиланда из собрания Эрмитажа // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. 15. СПб., 1995. С. 94.
- Разумовский Константин Иванович** (1905–1942) — китаист-искусствовед. Научн. сотр. ИВАН. *Лит.*: ВР. Т. II. С. 220.
- Соболев** — возможно — **Соболев Николай Николаевич** (1874–1966) — художник и искусствовед, специалист по текстильному орнаменту.
- Стрелков Александр Семенович** (1896–1938) — специалист по искусству доисламской Средней Азии, Ирана, Индии. Научн. сотр., действительный член ГЭ. *Лит.*: ЛС. С. 361–362; ВР. Т. II. С. 424–425.
- Щуцкий Юлиан Константинович** (1897–1938) — китаевед-филолог, историк кит. философии. Научн. сотр. ИВАН и ГЭ (1936–1937). *Лит.*: ЛС. С. 432–433; ВР. Т. II. С. 693–694.
- Чернов Александр Александрович** (1877–1963) — известный геолог и палеонтолог, участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907–1909 гг.

Evgeniy Kiy

NIKOLAI A. NEVSKIY
AND THE STATE HERMITAGE MUSEUM

Nikolai A. Nevskiy's name is associated with several Russian and Japanese academic institutions and universities and the fact that since 1934 Nevskiy was a by-worker in the State Hermitage Museum is less known and studied by his biographers. The present paper deals with all available data on Nevskiy's academic activities related to the State Hermitage and its collections. It shows that Nevskiy was interested not only in the study of Tangut language and literature but in broader research into Tangut material culture and art.